

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(571.13)«1918/1919»

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-181-194>

Условия содержания заключенных в тюрьмах Акмолинской (Омской) области в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.)

© С.П. Звягин^а, С.В. Макаrchук^б, Д.Р. Тимербулатов^с

^а Кемеровский государственный медицинский университет, г. Кемерово, Россия

^б Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

^с МБОУ ДПО «Научно-методический центр», г. Кемерово, Россия

Аннотация: В статье анализируется материально-техническое состояние гражданских мест заключения Акмолинской (Омской) области при антибольшевистских правительствах в период Гражданской войны. Практически вся инфраструктура пенитенциарных учреждений была создана еще в дореволюционное время. Уровень ее развития, а также возможность изготовления при тюрьмах предметов промышленного и сельскохозяйственного производства определялись географическими и экономическими условиями в регионе. Именно в Акмолинской области с ее достаточно благоприятным климатом получила распространение практика выращивания овощных культур и разведения скота при пенитенциарных учреждениях для улучшения питания арестантов. В то же время из-за финансовой ситуации ресурсы «белых» властей в решении проблем материально-технического характера местных пенитенциарных учреждений оказывались весьма ограниченными. Положение усугублялось необходимостью содержания под стражей заметно увеличившегося в числе контингента арестантов, что являлось типичным не только для тюрем Акмолинской области, но и для подавляющего большинства мест заключения по всей Сибири. Среди лиц, пребывавших в местных пенитенциарных учреждениях, около половины являлись сторонниками советской власти или же теми, кого представители антибольшевистских правительств рассматривали как потенциально опасных политических противников. После установления режима А.В. Колчака в «белой» Сибири официально провозглашается необходимость соблюдения принципа законности всеми государственными органами, включая тюремное ведомство. Одновременно принимаются меры по ужесточению режима содержания арестантов, основой чего послужили нормы дореволюционного законодательства. Эти тенденции отчетливо проявились в работе пенитенциарных учреждений Акмолинской области. Но, несмотря на стремление к упорядочиванию функционирования тюрем, неконтролируемое вмешательство армейских структур приводило к дезорганизации деятельности мест заключения, а в ряде случаев к противоправным действиям в отношении заключенных по политическим мотивам. Самым ярким примером подобного беззакония стали бессудные убийства военными арестантов в Омске и Тюкалинске перед эвакуацией на восток в ноябре 1919 г.

Ключевые слова: Акмолинская область, антибольшевистские правительства, Белая Сибирь, белый террор, Гражданская война, материально-бытовые условия содержания арестантов, места заключения, Омская тюрьма, тюремный режим

Для цитирования: Звягин С.П., Макаrchук С.В., Тимербулатов Д.Р. Условия содержания заключенных в тюрьмах Акмолинской (Омской) области в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 181–194. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-181-194>

Conditions of detention of prisoners in the prison of the Akmola (Omsk) region during the Civil War (1918–1919)

© Sergey P. Zvyagin^а, Sergey V. Makarchuk^б, Dmitry R. Timerbulatov^с

^а Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russia

^б Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

^с Municipal Budget Educational Institution of Continuing Professional Education “Scientific and Methodological Centre”, Kemerovo, Russia

Abstract: The article analyzes the material and technical condition of civilian places of detention in the Akmola (Omsk) region under anti-Bolshevik governments during the Civil War. Almost the entire infrastructure of prisons was created in pre-revolutionary times. The level of its development, as well as the possibility of manufacturing items of industrial and agricultural production in prisons, was determined by the geographical and economic conditions in the region. It is in the Akmola region, with its rather favorable climate, that the practice of growing vegetable crops and raising livestock in prisons has become widespread in order to improve the nutrition of prisoners. At the same time, due to the financial situation, the resources of the “white” authorities in solving the material and technical problems of the local penitentiary institutions were very limited. The situation was aggravated by the need for detention to significantly increase the number of prisoners, which was typical not only for prisons in the Akmola region, but also for the vast majority of places of detention throughout Siberia. Among those who were in local penitentiary institutions, about half were supporters of the Soviet regime or those whom anti-Bolshevik government representatives considered to be potentially dangerous political opponents. After the establishment of the regime A.V. Kolchak in the “White” Siberia officially it was proclaimed the need to comply with the principle of legality by all state bodies, including the prison department. At the same time, measures are being taken to tighten the regime of detention of prisoners, which was based on the norms of pre-revolutionary legislation. These trends are clearly manifested in the work of prisons in the Akmola region. But, despite the desire to streamline the functioning of prisons, the uncontrolled intervention of army structures led to a disorganization of the activities of places of detention, and in some cases to unlawful actions against prisoners for political reasons. The most striking example of such lawlessness was the extrajudicial killings of prisoners in Omsk and Tyukalinsk before being evacuated to the east in November 1919.

Keywords: Akmola Oblast, anti-Bolshevik governments, White Siberia, White Terror, Civil War, living conditions of prisoners, places of detention, Omsk prison, prison regime

For citation: Zvyagin S.P., Makarchuk S.V., Timerbulatov D.R. (2020) Conditions of detention of prisoners in the prison of the Akmola (Omsk) region during the Civil War (1918–1919). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 181–194. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-181-194>

В российской исторической науке особенности тюремного быта и различные аспекты положения заключенных на востоке России при антибольшевистских правительствах освещены более детально, чем проблемы определения механизма управления местами заключения, содержания кадровой политики в пенитенциарном ведомстве и состава его служащих. Тем не менее представляется актуальным обобщение информации о материально-техническом состоянии тюрем и положении арестантов. В перспективе систематизация этих сведений позволит в полной мере раскрыть специфику взаимодействия руководства тюремной системой и подведомственных ему учреждений, а также оценить успешность правительственной политики в пенитенциарной сфере на местах. Кроме того, касаясь изучения тюрем Акмолинской области в период Гражданской войны, следует иметь в виду, что при относительно всесторонней изученности условий содержания заключенных в Омске, ощущается недостаток материала о положении арестантов в уездных центрах: Акмолинске, Кокчетаве и Петропавловске.

Советским руководством после завершения Гражданской войны были поставлены перед историками задачи, которые во многом способствовали актуализации исследовательского внимания на борьбе с «белыми» режимами и жизнеописании подвергавшихся арестам большевиков, что предполагало рассмотрение условий их содержания под стражей. Однако в соответствии с линией по их героизации определяющим становилось отображение переносимых ими лишений в заключении, что делало невозможным объективное понимание положения в тюрьмах Сибири в 1918–1919 гг.

Сбор и обобщение фактических данных исследователями, а также составление на их основе сборников документов и воспоминаний о периоде Гражданской войны началось в 1920-е гг. Рассматриваемая проблематика функционирования тюрем, располагавшихся на территории Акмолинской области, в основном сводилась к обстоятельствам омского восстания 22–23 декабря 1918 г. и проявлениям местным населением недовольства репрессивной политикой. В.Д. Вегман одним из первых дал детальное описание хода вооруженного выступления, захвата восставшими местной тюрь-

мы и количества погибших в ходе восстания (Вегман, 1928). Причем правительственные данные о числе убитых категорически отрицались, что стало традиционным для советской исторической науки. В работе В.И. Шемелева приведены данные о поддержке омскими профсоюзами арестованных сторонников советской власти, организации рабочего Красного Креста для оказания благотворительной помощи содержащимся под стражей большевикам и преследованиям членов профсоюзных организаций (Шемелев, 1928). В то время особую научно-исследовательскую значимость для изучения тюрем Акмолинской области в годы Гражданской войны представляла публикация в журнале «Красный архив» официальных документов и следственных материалов расследования событий восстания в Омске и последовавшего после него убийства видных политических и общественных деятелей, арестованных за выражение протеста по поводу ликвидации (Омские события при Колчаке..., 1925). В них содержится некоторая информация о количестве политических арестантов и инфраструктуре омского пенитенциарного учреждения.

С середины 1930-х гг. происходит заметное уменьшение количества публикуемых сборников и работ о Гражданской войне, проблематика которых оставалась прежней (Молотов, 1949). Более того представленная в них информация о местах заключения Акмолинской области оказывалась менее содержательной, по сравнению с трудами 1920-х гг., хотя в тот период исследователи периода Гражданской войны получают возможность ограниченно использовать в качестве источника архивные материалы, в основном неопубликованные воспоминания.

Следующий период изучения пенитенциарной системы на территории Акмолинской области при антибольшевистских правительствах длился с середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг. Его специфика заключалась в том, что любое празднование юбилеев событий революции и Гражданской войны ознаменовывалось выходом исследований и сборников воспоминаний, в которых содержались вполне подробные сведения о тюремном быте, планировке мест заключения, режиме содержания

под стражей, питании арестантов. В качестве мало освещаемого ранее момента отмечались случаи подкупа политическими заключенными надзирателей для установления связи с большевистским подпольем и получением информации с воли (Солдатов, 1959). Для указанного периода характерно издание биографий известных местных большевиков и сторонников советской власти, таких как Ф.А. Березовский, С. Сейфуллин, К.А. Попов, арестованных и содержавшихся под стражей (Солдат и певец революции Ф.А. Березовский..., 1987; Какишев, 1972; Юрасова, 1983; Шумилов, 1987). При изучении подпольной борьбы большевиков и «красного» партизанского движения в 1919 г. в Акмолинской области исследователи могли касаться положения в уездных тюрьмах, в частности Тюкалинской (Борьба за Советы..., 1989). Тем не менее большинство материалов по-прежнему посвящалось восстанию в Омске в декабре 1918 г. (Колмогоров, 1957; Черемных, 1969).

С изменением общественно-политической ситуации в конце 1980-х – начале 1990-х гг. различные направления государственного строительства «белых» становятся предметом пристального изучения историков Гражданской войны. Возможность работы с недоступными ранее архивными фондами позволила не просто повысить фактологическую наполненность научных работ, но и расширить их тематику. Первыми исследователями, в работах которых содержится подробная информация о количестве заключенных в Акмолинской, Кокчетавской, Омской и Петропавловской тюрьмах, являются П.А. Голуб и Е.Г. Михеенков. Однако указанные данные приводятся ими в рамках изучения общей численности арестантов в Сибири при «белых». Кроме того, монография П.А. Голуба «Застенки Колчака. Правда о белом адмирале» носит эмоционально-негативную оценку «белых», что снижает ее научное значение (Голуб, 2010). В статьях же Е.Г. Михеенкова основное внимание уделяется пенитенциарной системе Томской губернии (Михеенков, 2012; Михеенков, 2018). Тем самым функционирование мест заключения Акмолинской области остается малоизученным.

С момента ликвидации советской власти одной из ключевых проблем антибольшевистских правительств при организации работы тюрем являлось снижение расходов на питание заключенных и улучшение качества арестантской еды. В частности, в Омской тюрьме общая сумма затраченных на ее содержание средств с 1 июля 1918 г. по 1 января 1919 г. составила 171,182 тыс. руб. 32 коп., из которых на продовольствие здоровых и больных заключенных было выделено 73,942 тыс. руб. 22 коп. или примерно 43 % (Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 86). Основой питания являлся хлеб, которого в том же пенитенциарном учреждении арестантам выдавали по нормам продовольственной управы по 1,25 фунта, а тем, которые занимались физическим трудом, с разрешения властей области по 2 фунта (ИАОО. Ф.Р. 391. Оп. 1. Д. 5. Л. 15об.).

Следует отметить, что еще во время Первой мировой войны Главным тюремным управлением 11 (24) августа 1916 г. на места был направлен циркуляр «О мерах к улучшению питания арестантов и удешевлению его», принятый из-за роста цен на пищевые продукты. В нем подчеркивалось, что развитие огородничества на казенных и арендуемых земельных участках, обрабатываемых трудом арестантов, а также разведение свиней, для корма которых пригодны остатки тюремной пищи, не требует значительных денежных сумм. Кроме того, в циркуляре отмечалось, что помимо повышения качества питания арестантов, излишки выращиваемых овощей и производимого мяса позволят снабжать армию и местное население (Распоряжения по тюремному ведомству, 1916б. С. 773)¹. Осуществлению этого распоряжения в Акмолинской области благоприятствовало то, что до революции ее территория отличалась стремительно развивающимся сельским хозяйством. Достаточно указать, что с 1907 г. по 1913 г. площадь посевных земель региона увеличилась более чем в три раза. Одним из крупнейших районов Западной Сибири по производству животноводческих продуктов являлся юг Омского уезда. Несмотря на это обстанов-

ка Гражданской войны не позволила администрациям пенитенциарных учреждений добиться существенных результатов по развитию овощеводства и росту поголовья свиней.

По состоянию на май, Кокчетавская тюрьма имела в распоряжении участок земли в 1,5 десятины, большая часть которого была засажена 50 пудами картофеля. Остальную площадь занимала свекла, капуста, лук и морковь. Начальник тюрьмы отмечал, что содержание свиней затруднительно ввиду отсутствия средств для их покупки и подходящего для этого помещения во дворе места заключения (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 52–52 об.). В Петропавловске пенитенциарному учреждению был предоставлен управой в безвозмездное пользование на год участок земли в 3 верстах от города площадью в 5 десятин. Из них 3 были засеяны пшеницей и 1 ½ овсом, а оставшаяся половина десятины засажена картофелем. В рапорте от 24 мая 1919 г. руководитель Петропавловской тюрьмы указывал, что планирует на территории в 25 квадратных сажень у здания места заключения посадить 2 тыс. кочней капусты и приобрести дополнительный участок в 10–15 десятин для посева хлеба (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 51–51 об.). Две десятины огорода Омской тюрьмы занимали посадки картофеля и еще более одной десятины были засажены луком. В парниках произрастала японская капуста, причем администрация места заключения планировала получить аванс в размере 3 тыс. руб. для покупки рассады обыкновенной капусты (80 коп. за штуку). При тюрьме содержались две свиньи возрастом до 4 лет, от которых ожидался приплод. Тем не менее начальник пенитенциарного учреждения, не считая, что этого количества будет достаточно, просил выделить 1 тыс. руб. на покупку животных (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 53). К июлю 1919 г. на огородном участке Акмолинской тюрьмы 1200 квадратных сажень занимали посадки картофеля, 180 – огурцов, 72 – моркови, 40 – красной свеклы. Репчатого лука было высажено три с половиной пуда. На огороде произрастало небольшое количество брюквы, редьки и репы из-за наличия на рынке только старых, невсхожих семян по завышенным ценам. От-

¹ Распоряжения по тюремному ведомству // Тюремный вестник, 1916. № 8/9. С. 758–777.

каз в их приобретении последовал даже от Главного склада сельскохозяйственных машин Переселенческого управления, который до 1917 г. являлся главным поставщиком для пенитенциарного учреждения. Меры по повышению разнообразия выращиваемых овощных культур объяснялись тем, что многие арестанты весной страдали от цинги ввиду недостатка растительной пищи (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 54–55 об.).

Остальные трудности, которые препятствовали налаживанию работы мест заключения, возникали по большей части из-за изношенности инфраструктуры пенитенциарных учреждений, недостаточности материально-технического оснащения и переполненности камер заключенными. Например, они были присущи тюрьме Тюкалинского уезда, который по постановлению Совета Министров Российского правительства от 9 апреля 1919 г. был присоединен к Акмолинской области. Согласно составленной описи движимого имущества указанного места заключения в камерах одноэтажного каменного корпуса на более 200 арестантов приходилось 18 столов со шкафами, 30 скамеек для сидения и сна, 13 ушат, 11 шаек, 6 кадок для воды и 17 параш. Представленные данные свиде-

тельствуют о том, что количество арестантов не соответствовало норме.

Поскольку для ряда других пенитенциарных учреждений Сибири проблема переполненности была еще более насущной, Министерством юстиции для пропорционального распределения арестантов было отдано распоряжение властям губерний областей о предоставлении сведений о числе камер и мест в них. На основе полученной информации была составлена ведомость, которая представлена ниже (табл.).

Указанные данные не совсем точны, поскольку, вероятно, в некоторых случаях руководство пенитенциарных учреждений указывало не количество мест, а число человек, содержащихся под стражей. Так, в других документах об Омской областной тюрьме отмечалось, что она рассчитана на прием не 500 человек, а только 200–300 заключенных (ИАОО. Ф.П. 19. Оп. 1. Д. 13. Л. 14). Последнее число в большей степени соответствует действительности, поскольку содержание в общей камере площадью 16–18 квадратных метров более 10 арестантов явно не могло отвечать установленным нормам того времени. В Акмолинской тюрьме, рассчитанной по кубическому содержанию воздуха

Таблица. Количество камер для общего и одиночного заключения, мест для арестантов в тюрьмах Акмолинской области

Table. Number of cells for general and solitary confinement, places for prisoners in prisons of Akmola region

Наименование тюрьмы	Число камер (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 86–86 об.)	Число мест (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 86–86 об.)
Омская областная тюрьма	39 общих	418
	8 одиночных	7
	В женском отделении 7 общих и 3 одиночных	80
Петропавловская уездная тюрьма	6 общих	33
	15 одиночных	31
	В женском отделении 2 общие	6
Кокчетавская уездная тюрьма	4 общие в казенном здании,	–
	3 общие в наемном помещении, из них в околodge 1	
Акмолинская уездная тюрьма	4 общие	28
	3 одиночные	3
	В женском отделении 1 одиночная	1
	В околodge 2 общие	6

на прием до 40 человек, несмотря на отправку в Омск в феврале 1919 г. 57 заключенных по политическим мотивам, продолжали пребывать свыше 100 задержанных (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 34. Л. 5). Чтобы разгрузить пенитенциарное учреждение, местное отделение Попечительного о тюрьмах общества, в составе которого находились исполняющий обязанности городского головы Ярушин, председатель уездной земской управы К.Д. Шевцов, купцы Н.А. Забиров и начальник тюрьмы А.С. Сербов, в постановлении от 5 апреля 1919 г. предлагало перевести часть арестантов в принадлежащее гражданину Канцерову здание. Поскольку оно использовалось в 1916–1917 гг. в качестве места заключения и было подготовлено для содержания под стражей, оставалось договориться об условиях аренды (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 36. Л. 45–45об.). Однако уездные тюрьмы регулярно испытывали нехватку финансовых средств из-за задержек с предоставлением кредитов. Так, по смете Министерства юстиции по тюремной части на функционирование пенитенциарной системы Акмолинской области в 1919 г. было выделено 1371,52 тыс. руб. (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 40. Л. 3). Но 26 апреля 1919 г. Управляющий областью сообщал в Главное управление местами заключения, что кредиты до сих пор не открыты. Положение усугублялось тем, что, не дожидаясь возможности использования положенных кредитов, начальники пенитенциарных учреждений направляли многочисленные ходатайства на дополнительные ассигнования. Такая практика приводила к ненужной дополнительной переписке в рамках тюремного ведомства и ставило ГУМЗ в затруднительное положение при удовлетворении прошений, в которых часто отсутствовала конкретика в описании нужд (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 40. Л. 38). В июле 1919 г. в телефонограмме Управляющему Акмолинской области руководство пенитенциарной системой разрешало в случае срочной необходимости в кредитах обращаться напрямую к Управляющему Казенной Палатой (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 40. Л. 86).

Для проверки целевого расходования выделяемых денежных средств и соблюдения правил

содержания заключенных представители руководства Акмолинской областью регулярно посещали тюрьмы с ревизиями. При этом, если в Омске проверки производились в том числе и чиновниками правительственного уровня, то в уездах отслеживанием ситуации занимались в основном региональные власти. В апреле 1919 г. в ходе проверки Кокчетавской уездной тюрьмы управляющим областью С.С. Резановым было отмечено неудовлетворительное состояние ее помещений. Кроме того, само деревянное здание, окруженное ветхими заборами, признавалось не соответствующим своему назначению. Ввиду этого С.С. Резановым было направлено ходатайство в ГУМЗ о выделении средств на строительство в Кокчетаве новой каменной тюрьмы (Сибирская речь. Омск. 1919. 16 апреля). В ходе ревизии Петропавловской городской и уездной милиции 18 июня 1919 г. осмотр здешнего арестного дома и тюрьмы был осуществлен помощником управляющего Акмолинской областью Л.В. Родионовым (Единство. Петропавловск. 1919. 19 июня.)

Со второй половины 1919 г. из-за приближения линии фронта к столице Белой Сибири ГУМЗ при содействии военных и местных гражданских властей начинает предпринимать меры по перемещению на восток персонала мест заключения и заключенных. Данная работа активно проводилась В.Ф. Рыбаковым, который до того как стать преемником С.С. Резанова на должности управляющего Акмолинской областью в качестве главноуполномоченного МВД занимался вопросами организации эвакуации обустройства служащих правительственных учреждений и их семей (Шишкин, 2006. С. 169). Перед самым отъездом Российского правительства из Омска в Иркутск им проводилась проверка законности пребывания под стражей заключенных Омской тюрьмы. Арестованные без достаточных оснований освобождались немедленно, что позволило уменьшить число лиц, подлежащих эвакуации (Сибирский казак. Омск. 1919. 7 ноября).

Необходимо отметить, что на протяжении 1919 г. Министерство юстиции, добиваясь как снижения уровня произвола в отношении арестантов, так и уменьшения количества заключенных, уделяя

ло повышенное внимание расширению прав прокурорского надзора, чины которого располагали правом выпускать задержанных на свободу. Реализация другой меры по разгрузке тюрем сопровождалась выяснением ГУМЗ числа приговоренных к каторжным работам, осужденных в исправительно-арестантское отделение, и лиц, арестованных в связи со свержением советской власти. Согласно циркуляру от 12 мая 1919 г. их предполагалось размещать в Александровской центральной каторжной тюрьме, Томском исправительно-арестантском отделении № 1 или Соколовском стане Амурской области соответственно (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 38. Л. 1).

Хотя администрации пенитенциарных учреждений обязывались направлять в Омск информацию о количестве задержанных по категориям, из-за частых перемен в составе содержащихся под стражей и сложностей контроля над переводами партий арестантов по тюрьмам, при анализе документов не представлялось возможным отследить все изменения контингента заключенных на территории Акмолинской области при антибольшевистских правительствах. Например, по состоянию на конец апреля 1919 г. в пенитенциарном учреждении Петропавловска содержалось 5 лиц, осужденных на каторжные работы. Причем из их числа А.Н. Арсеньев и Н.Л. Мостовой были приговорены к бессрочной каторге военно-полевым судом в сентябре 1918 г. за подстрекательство новобранцев к неповиновению (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 19–19 об.). Однако в январе и июле 1919 г. арестанты подобной категории не были зафиксированы в списках заключенных Петропавловской тюрьмы (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 4; ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 38. Л. 6). В свою очередь в середине 1919 г. в Акмолинской тюрьме числилось три человека, приговоренных к отбытию в исправительно-арестантские отделения, а на начало того же года таковые отсутствовали (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 38. Л. 3; ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 5).

Намерения ГУМЗ по сосредоточению данных лиц в Томске соответствовали циркуляру Главного тюремного управления (ГТУ) от 4 (17 марта) 1916 г. «О недопустимости оставления в тюрьмах общего

устройства арестантов, приговоренных к отдаче в исправительные отделения» (Распоряжения по тюремному ведомству, 1916а. С. 277)². Так как эти места заключения, поблизости от которых устраивались производства, были ориентированы на выполнение работ государственного значения, которые с началом Первой мировой войны приобрели военный характер, «белые» были заинтересованы в том, чтобы в них содержались не просто согласно ст. 287 Устава о содержащихся под стражей годные к физическому труду арестанты, но и имеющие квалификацию. 30 июня 1919 г. управляющим губерниями и областями было направлено распоряжение ГУМЗ о незамедлительной отправке в Томское исправительно-арестантское отделение № 1 лиц, владеющих портняжным ремеслом, из числа срочных арестантов без ущерба для местных тюремных мастерских (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 98–98 об.). Каждого выдаваемого заключенного предписывалось проверять на месте на наличие необходимых умений, за что должен был нести ответственность начальник тюрьмы. В ответ на запрос власти Акмолинской области указывали на отсутствие рабочих портных в арестантской среде (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 104).

Среди арестованных в связи со свержением советской власти в Акмолинской области имелись красноармейцы, которых тюремное ведомство стремилось удалить из пенитенциарных учреждений для перевода в места заключения, подконтрольные Военному министерству, чтобы не обременять себя дополнительными расходами на их содержание. В Кокчетавской тюрьме их было 4, в Омской областной тюрьме – 3 и в Акмолинской тюрьме – 3 (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 27–30). Причем последние были пойманы после побега из концентрационного лагеря под Петропавловском. В Петропавловской тюрьме в заключении находились 36 красноармейцев, которых для разгрузки пенитенциарного учреждения было решено освободить под надзор местной милиции (Дело Сибири. Омск. 1919. 27 августа).

---

² Распоряжения по тюремному ведомству // Тюремный вестник, 1916. № 4. С. 274–292.

Сравнивая сведения, получаемые ежемесячно прокурором Омской судебной палаты, о количестве политических арестантов, следует отметить, что их число не отличалось постоянством. Так, по состоянию на 15 августа 1918 г. в Акмолинске, Кокчетаве, Омске и Петропавловске содержалось 67, 68, 162 и 72 человека соответственно (ИАОО. Ф.Р. 391. Оп. 1. Д. 5. Л. 98 об.). К 15 ноября 1918 г. в тех же пенитенциарных учреждениях пребывало 63, 41, 119 и 49 лиц, задержанных по политическим мотивам (ИАОО. Ф.Р. 391. Оп. 1. Д. 5. Л. 172–172 об.). Следует добавить, что на 1 сентября 1918 г. в Омской тюрьме их насчитывалось 349 человек. Таким образом, во второй половине 1918 г. доля арестованных за антиправительственную деятельность время от времени достигала в пенитенциарных учреждениях Акмолинской области более 50 % от общей численности содержащихся под стражей. Всего к концу того же года в Акмолинске, Кокчетаве, Омске и в Петропавловске содержалось под стражей 130, 185, 585 и 150 человек (Михеенков, 2018. С. 9).

Необходимо отметить, что некоторые из числа заключенных по политическим мотивам были арестованы еще советской властью. Например, представители партии киргиз-кайсаков «Уш Жуз», придерживавшиеся социалистической и пантюркской ориентации, с мая 1918 г. находились под стражей. При этом смена политического режима не повлияло на их положение. Руководителем «Уш Жуза» К.Тогусовым во время восстания 22 декабря 1918 г. был совершен успешный побег из Омской областной тюрьмы. Но в дальнейшем последовал его повторный арест, после которого он скончался 14 марта 1919 г. от сыпного тифа в больнице того же пенитенциарного учреждения (Сушко, 2008. С. 333).

Следствием ужесточения правоохранительной политики Российского правительства являлось заметное увеличение лиц, оказавшихся в заключении, особенно в губернских и областных тюрьмах. По сведениям Е.Г. Михеенкова, в декабре 1918 г. численность контингента, содержавшегося в учреждениях пенитенциарной системы Акмолинской области, превышала наполняемость в 1,5–2 раза

(Михеенков, 2012. С. 44). Общее количество арестантов в регионе на тот момент составляла 1050 человек. Более половины из них пребывали в Омской тюрьме (на 2 января 1919 г. – 633 заключенных, включая 568 мужчин и 65 женщин) (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 48. Л. 3). В связи с тем, что на протяжении первой половины 1919 г. постоянно возрастало количество арестантов, относимых к категориям «подследственных и подсудимых», а также «содержащихся по распоряжению административных властей», т. е. политических, к 1 апреля 1919 г. контингент мест заключения Акмолинской области увеличился почти на 37 % (Голуб, 2010. С. 36). В Омской тюрьме число заключенных по официальным данным достигло 893 человека, а к 1 августа 1919 г. составило уже 1027 человек. Проблема переполненности пенитенциарного учреждения Омска усугублялась, несмотря на то что прокуратура, в задачи которой входила защита прав граждан, отслеживала правомерность внесудебных арестов (Звягин, 2001. С. 164). Информирова ГУМЗ о прокурорской проверке пенитенциарного учреждения в апреле 1919 г., С.С. Резанов отмечал, что никто из заключенных не был освобожден в связи с не выявлением случаев незаконного содержания под стражей (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 35. Л. 43–43 об.).

Вместе с тем местные власти выражали обеспокоенность по поводу того, что вместе со взрослыми в тюрьме находятся и дети арестантов. Поэтому областным управлением при содействии комитета Попечительного о тюрьмах общества было признано необходимым восстановить ранее существовавший при пенитенциарном учреждении приют для детей арестантов (Сибирская речь. Омск. 1919. 17 июня). С осени 1919 г. в Омской тюрьме стала наблюдаться обратная динамика, хотя количество заключенных продолжало превышать максимальный лимит наполнения. К 15 октября 1919 г. численность арестантов составляла 803 мужчины и 43 женщины, из которых более половины были арестованы по политическим мотивам (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 48. Л. 28).

Неясность статуса подобных лиц, их организованность и поддержание связей со своими оста-

вавшимися на свободе соратниками создавали проблемы с определением порядка их содержания в тюрьмах, что усугублялось вмешательством армейских и контрразведывательных органов. Например, в июне 1918 г. жители города Петропавловска были проинформированы военными властями, что свидания и передача пищи задержанным за политические преступления временно запрещены. Дополнительно горожанам сообщалось, что о моменте разрешения свиданий будет объявлено особо (Приишимье. Петропавловск. 1918. 15 июня). Содержавшийся под стражей в Омской областной тюрьме по обвинению по ст. 108 Уголовного Уложения А.И. Скалепов, секретарь военкома С.А. Фурсова, по распоряжению прокурора окружного суда был лишен возможности встреч с родными, в связи с прошением о помиловании, переданном им в нарушении установленного порядка предположительно через свою жену (ИАОО. Ф.Р. 391. Оп. 1. Д. 66. Л. 59–59 об.). Тем не менее даже в 1919 г., когда в местах заключения происходит заметное ужесточение тюремного режима, самым видным политическим арестантам, в случае примерного поведения, разрешались свидания с родственниками. В частности, арестованный в ночь с 16 на 17 июня 1918 г. в Омске по ордеру следственной комиссии в своей квартире К.А. Попов (Дело Сибири. Омск. 1918. 18 июля), руководитель организации объединенных социал-демократов интернационалистов и член Сибирской областной думы, имел возможность видеться с сыном Львом Константиновичем, женой и дочерьми (Стельмак, 2018. С. 177). При этом, с точки зрения антибольшевистских властей, его следовало считать особенно неблагонадежным, поскольку еще до революции он неоднократно задерживался по политическим мотивам, а в 1916 г. был заключен в Омскую областную тюрьму по решению начальника жандармского управления за антивоенную агитацию (Макаrchук, 2015. С. 71).

Возможность контактов с волей в случае бездействия и потворства надзора часто позволяла омским «большевистским комиссарам» поддерживать связи со своими соратниками в городе (Цветков, 2018. С. 219). В подобных условиях адми-

нистрации областной тюрьмы приходилось согласовывать свою работу с начальником отдела контрразведки и военного контроля управления 2-го генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего полковником Н.П. Злобиным и принимать к сведению его указания. В частности, ссылаясь на полученную информацию о возможном освобождении заключенных по поддельным документам подставным конвоем, Н.П. Злобин в мае 1919 г. просил руководство пенитенциарного учреждения после тщательной проверки лиц, требующих выдачи арестантов, сообщать ему по телефону «Ставка 43». В свою очередь в случае отправки чинов контрразведки за арестованными тюремная администрация должна была оповещаться об этом заранее (ИАОО. Ф.П. 19. Оп. 5. Д. 13. Л. 12–13). Следует отметить, что в марте 1919 г. из Омской тюрьмы совершает удачный побег член Акмолинского совета, ставший в будущем известным казахским писателем, С. Сейфуллин, как раз благодаря полученным с воли подложным документам на имя учащегося местной педагогической школы для взрослых (Какишев, 1972. С. 102).

Представители армейских органов управления могли определять и порядок содержания под стражей особо опасных с их точки зрения лиц. Например, по распоряжению того же Н.П. Злобина от 16 апреля 1919 г. для бывшего командира отряда венгров-интернационалистов К. Лигети в Омской областной тюрьме был установлен одиночный режим заключения (Юрасова, 1983. С. 103). Хотя по другим сведениям, он содержался в камере вместе с К.А. Поповым (Стельмак, 2018. С. 177). В результате получения улик, свидетельствовавших о продолжающихся контактах с подпольным большевистским комитетом, К. Лигети был приговорен военно-полевым судом к смертной казни и расстрелян 3 июня 1919 г. (Цвейлих, 1999. С. 61). К.А. Попов же, пробыв в пенитенциарном учреждении Омска до августа, был отправлен на восток в «поезде смерти», во время следования которого сумел скрыться в районе станции Слюдянка.

В какой-то мере значительная доля заключенных по политическим мотивам, часто нарушавших тюремный режим и являвшихся инициаторами

массовых беспорядков, обусловило разработку и принятие 3 апреля 1919 г. постановления «О введении дисциплинарных взысканий в местах заключения». Данный правовой акт возобновлял отмененную после Февральской революции практику одевания в смиренную рубашку и заковывание в наручники и кандалы арестантов, демонстрирующих неповиновение. В рамках реализации утвержденного Советом Министров Российского правительства и Верховным правителем постановления ГУМЗ потребовало от региональных властей сообщить о наличии или отсутствии ручных и ножных оков в пенитенциарных учреждениях. Сбор сведений показал, что практически все места заключения Акмолинской области не были готовы к выполнению установленных норм. Начальник Петропавловской тюрьмы докладывал о наличии 7 ножных и 7 наручных оков, но без необходимых для их ношения принадлежностей: подвязочных ремней, подкандалников и поджильников. Кроме того, для удовлетворения потребностей пенитенциарного учреждения он просил дополнительно прислать из Омска кандалы в количестве 10 штук, поскольку изготовить их в Петропавловске не представлялось возможным из-за отсутствия в продаже цепей (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 39. Л. 4–4 об.). В Кокчетавской тюрьме они не были пригодны к использованию из-за отсутствия ключей к замкам (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 39. Л. 6). В Омске администрация места заключения указывала, что устранение неисправностей у имевшихся 18 ножных и 27 ручных оков возможно в мастерских самого пенитенциарного учреждения. Тем не менее руководством тюрьмы отмечалось, что их количество должно составлять по 100 штук (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 39. Л. 5). Только в Акмолинской тюрьме наличие 33 ножных и 7 ручных оков было признано достаточным (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 39. Л. 10).

Осознав, что ресурсы мест заключения ограничены, ГУМЗ отдает распоряжение об отправке из Иркутска кандалов для Омской конвойной команды и областной тюрьмы, которая испытывала наиболее острую нужду в них по сравнению с другими пенитенциарными учреждениями. В ходе

осмотра 19 августа 1919 г. прибывшего груза младшим надзирателем Прокопием Сафьяновским было выявлено, что все ручные оковы оказались без ключей. Кроме того, из 292 пар ручных и 199 пар ножных кандалов часть требовала ремонта. При проверке их количество сопоставлялось со сведениями, указанными в отношении, отправленном начальником Иркутской губернской тюрьмы вместе с грузом, который не был упакован, а лишь перевязан истлевшей веревкой. В результате была обнаружена пропажа одной пары ножных и 8 пар ручных оков (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 39. Л. 20). За неимением лучшего, руководство тюрьмы принимает решение приберечь груз, передав 50 пар ручных кандалов по договоренности начальнику местной конвойной команды (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 39. Л. 17). Можно предположить, что в какой-то мере нехватка оков для наложения на арестантов при эвакуации на восток повлияла на решение оставить заключенных, результатом чего стали массовые казни в ноябре 1919 г. лиц, находившихся под стражей по политическим мотивам.

В целом вывозу не только контингента пенитенциарных учреждений, но также их имущества и персонала препятствовал сам ход проводимой эвакуации. В телеграмме управляющего Тарским уездом, отправленной 8 сентября 1919 г. в областное управление, выражалась просьба в получении двух пароходов для заблаговременного вывоза тюрьмы и семей служащих. Однако его просьба осталась неудовлетворенной, поскольку аналогичное ходатайство было выражено им 29 сентября 1919 г. повторно (ИАОО. Ф.П. 19. Оп. 1. Д. 458. Л. 5).

Несмотря на трудности как властями Акмолинской области, так и руководством тюремным ведомством и администрациями пенитенциарных учреждений предпринимались меры по вывозу заключенных, что свидетельствует об их непричастности к убийствам политических арестантов из-за невозможности их эвакуации. Решения о расправах над заключенными принимались командирами воинских частей, моральное состояние которых из-за неудач на фронте было крайне низким. В ночь с 10 на 11 ноября 1919 г. от 33 до 49 политических арестантов были заколоты штыками во дворе Тю-

калинской тюрьмы отрядом под командой французского полковника Мокри. Однако данный случай остается сложен для интерпретации ввиду расхождений в описании событий и недостатка архивных сведений (Коновалов, 2016. С. 154).

В момент приближения войск РККА к Омску начальник областной тюрьмы был проинформирован, что в соответствии с телеграммой начальника ГУМЗ администрацию, надзор и заключенных в случае эвакуации надлежит отправить в Томск (ИАОО. Ф.Р. 1617. Оп. 1. Д. 117. Л. 14). Но 9 ноября 1919 г. пенитенциарное учреждение переходит под контроль военных. В результате большая часть арестантов, в том числе политических, действительно была отправлена на восток, хотя многие из их числа погибли по пути следования (Ратьковский, 2017. С. 316). Оставшиеся в Омске заключенные были расстреляны 12–13 ноября 1919 г. в Загородной роще. Причем люди в течение двух дней выводились из тюрьмы группами, что затруднило установление точного количества убитых. Во всяком случае, начиная с исследовательской литературы советского периода, их число определялось не менее чем в 100 человек. Аналогичность действий военных в разных городах в условиях неразберихи из-за отсутствия четких планов эвакуации можно рассматривать как косвенное подтверждение того, что расправы над политическими арестантами координировались и готовились заранее.

Таким образом, следует признать неудовлетворительным состояние инфраструктуры мест заключения Акмолинской области, как и в других районах Западной Сибири в годы Гражданской войны. Особенно это касалось внутренних помещений тюрем. Из-за отсутствия приемлемых условий содержания в камерах и их переполненности заключенными руководством пенитенциарных учреждений нередко предпринимались меры по обустройству собственных зданий или поиску в

городах подходящих для приема арестантов строений. Но в связи с нехваткой финансовых средств подобные действия оказывались мало результативными. По сравнению с томскими и тобольскими местами заключения в тюрьмах Акмолинской области получила большее распространение выращивание сельскохозяйственных культур на огородах при тюрьмах, что позволило улучшить питание заключенных и добиться меньшей степени распространения эпидемических заболеваний.

На протяжении всего периода существования антибольшевистских режимов проблема переполненности мест заключения являлась, как и до революции, характерной для мест заключения в Омске и Петропавловске, в том числе из-за того, что через данные населенные пункты проходила Транссибирская железнодорожная магистраль, по которой перевозились арестанты. Кроме того, в пенитенциарных учреждениях указанных городов размещали заключенных из отдаленных Акмолинска и Кокчетавы во время рассмотрения их дел омскими следственными и судебными органами. В связи с усилением репрессивной политики и эвакуациями арестантов с Предуралья и Зауралья общая численность содержащихся под стражей в области достигла максимума летом 1919 г. Примерно, тогда же заметно ужесточается режим пребывания заключенных в тюрьмах.

Положение политических арестантов на территории Акмолинской (Омской) области в целом соответствовало условиям, в которых находились содержащиеся под стражей аналогичной категории в других регионах Сибири. Хотя нахождение в Омске руководящего центра большевистского подполья в регионе приводило к более частым случаям вмешательства органов контрразведки и военного контроля в работу пенитенциарного учреждения для достижения полной изоляции лиц, арестованных в связи со свержением советской власти.

Библиографический список

Борьба за Советы в Омском Прииртышье (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.). Омск, 1989. 96 с.

Вегман В.Д. Вооруженные восстания против Колчака в городах и рабочих районах. Новосибирск: Сибкрайсовпроф, 1928. 17 с.

References

(1989) The struggle for the Soviets in the Omsk Irtysch (June 1918 – November 1919). Omsk. 96 p. (In Russ.)

Vegman V.D. (1928) Armed uprisings against Kolchak in cities and working areas. Novosibirsk: Sibkraisovprof. 17 p. (In Russ.)

Голуб П.А. В застенках Колчака. Правда о белом адмирале. М.: Патриот, 2010. 135 с.

Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.

Какишев Т. Сакен Сейфуллин. М.: Молодая гвардия, 1972. 224 с.

Колмогоров Н.С. Восстание омских рабочих против Колчака 22 декабря 1918 г. Омск, 1957. 34 с.

Коновалов Д.А. Особенности изучения в краеведении революционных событий и Гражданской войны на территории Тюкалинского уезда // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2016. № 2. С. 149–159.

Макарчук С.В. Первая мировая война и социал-демократическое подполье в Тобольской губернии и Акмолинской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1. С. 68–71.

Михеенков Е.Г. Численность и состав заключенных на территории Западной Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 9. С. 43–48.

Михеенков Е.Г. Пенитенциарная система в период функционирования антибольшевистских режимов (1918–1919) // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 19–20 апреля 2018. В 2-х частях. Часть 1. Томск. 2018. С. 7–13.

Молотов В.С. Большевики Сибири в период Гражданской войны (1918–1919). Омск: Омское областное государственное издательство, 1949. 144 с.

Омские события при Колчаке. С предисловием М.М. Константинова // Красный архив. Т. 7. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 201–246.

Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М.: Алгоритм, 2017. 464 с.

Солдат и певец революции Ф.А. Березовский. 1877–1952. Жизнь в письмах, дневниках, воспоминаниях, документах: биография отдельного лица. Омск: Омское книжное издательство, 1987. 144 с.

Солдатов А.Ф. В колчаковском тылу // В огне революции и Гражданской войны (воспоминания участников). Омск: Омское книжное издательство, 1959. С. 138–144.

Стельмак М.М. Константин Андреевич Попов: реконструкция биографии омского социал-демократа //

Golub P.A. (2010) In the dungeons of Kolchak. The truth about the white admiral. Moscow: Publishing House Patriot. 135 p. (In Russ.)

Zvyagin S.P. (2001) Law enforcement policy of A.V. Kolchak. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 352 p. (In Russ.)

Kakishev T. (1972) Saken Seyfullin. Moscow: Young Guard. 224 p. (In Russ.)

Kolmogorov N.S. (1957) The uprising of Omsk workers against Kolchak December 22, 1918. Omsk. 34 p. (In Russ.)

Kononov D.A. (2016) Features of the study of local history of revolutionary events and the Civil War on the territory of the Tukalinsky district. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki = Bulletin of the Omsk University. Ser. Historical Sciences*. No. 2. P. 149–159. (In Russ.)

Makarchuk S.V. (2015). World War I and the Social Democratic underground in the Tobolsk province and Ak-mola region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kemerovo State University*. No. 1. P. 68–71. (In Russ.)

Mikheenkov E.G. (2012) The number and composition of prisoners in Western Siberia during the Civil War (1918–1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. No. 9. P. 43–48. (In Russ.)

Mikheenkov E.G. (2018) The prison system during the period of functioning of the anti-Bolshevik regimes (1918–1919). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 19–20 aprelya 2018. V 2 chast'yakh = The penal system: pedagogy, psychology and law. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, April 19–20, 2018. In 2 parts*. Tomsk. Pt. 1. P. 7–13. (In Russ.)

Molotov V.S. (1949) The Bolsheviks of Siberia during the Civil War (1918–1919). Omsk: Omsk Regional State Publishing House. 144 p. (In Russ.)

(1925) Omsk events at Kolchak. With a foreword by M.M. Konstantinov. *Krasnyi arkhiv = Red archive*. Vol. 7. Moscow; Leningrad: State Publishing House. P. 201–246. (In Russ.)

Ratkovsky I.S. (2017) Chronicle of White Terror in Russia. Repression and lynching (1917–1920). Moscow: Algorithm. 464 p. (In Russ.)

(1987) The soldier and singer of the revolution F.A. Berezovsky. 1877–1952. Life in letters, diaries, memoirs, documents: biography of an individual. Omsk: Omsk Book Publishing House, 144 p. (In Russ.)

Soldatov A.F. (1959) In the rear of Kolchak. *V ogne revoliutsii i Grazhdanskoi voiny (vospominaniia uchastnikov) = In the fire of the Revolution and the Civil War (memories of the participants)*. Omsk: Omsk Book Publishing House. P. 138–144. (In Russ.)

Stelmak M.M. (2018) Konstantin Andreevich Popov: reconstruction of the biography of the Omsk Social Democ-

Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2018. № 3. С. 168–182.

Сушко А.В. Межродовая борьба казахской (киргизской) интеллигенции в годы революции и Гражданской войны в России // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 11. С. 329–337.

Цвейлих А.В. К. Лигети и его время по воспоминаниям З. Венцкович-Лигети // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 59–64.

Цветков В.Ж. Адмирал Колчак. «Преступление и наказание» Верховного правителя России. М.: Яуза; Эксмо, 2018. 320 с.

Черемных С.Г. Омское восстание // Разгром Колчака. Воспоминания. М.: Воениздат, 1969. С. 239–254.

Шемелев В.И. Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов 1917–1919 гг. Новосибирск: Изд-во Сибирского краевого совета профсоюзов, 1928. 240 с.

Шишкин В.И. Комиссары и управляющие Акмолинской области (июнь 1918 – ноябрь 1919) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2006. № 13. С. 160–171.

Шумилов А.И. Попов Константин Андреевич // За власть Советов! Омск, 1987. Вып. 2. С. 152–158.

Юрасова М.К. Карой Лигетти // Судьбы, связанные с Омском. Омск: Омское книжное издательство, 1983. Кн. 3. С. 81–110.

Сведения об авторах

Звягин Сергей Павлович,

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории,
Кемеровский государственный медицинский университет,
650056, Кемерово, ул. Ворошилова, 22А, Россия,
✉ e-mail: whitesiberia@narod.ru

Макаrchук Сергей Владимирович,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России,
Кемеровский государственный университет,
650000, Кемерово, ул. Красная, 6, Россия,
✉ e-mail: makarchuk-sv@mail.ru

Тимербулатов Дмитрий Радикович,

кандидат исторических наук, методист отдела научно-методического сопровождения и мониторинга процессов развития образования,
МБОУ ДПО «Научно-методический центр»,

rat. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki = Bulletin of the Omsk University. Ser. Historical Science.* No. 3. P. 168–182. (In Russ.)

Sushko A.V. (2008) Intergenerational struggle of the Kazakh (Kyrgyz) intelligentsia during the years of the Revolution and the Civil war in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University.* No. 11. P. 329–337. (In Russ.)

Zweilich A.V. (1999) K. Ligeti and his time according to the memoirs of Z. Venzkovich-Ligeti. *Izvestiia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia = News of the Omsk State Museum of History and Local Lore.* No. 7. P. 59–64. (In Russ.)

Tsvetkov V.Zh. (2018) Admiral Kolchak. "Crime and punishment" of the Supreme Ruler of Russia. Moscow: Yauza; Eksmo. 320 p. (In Russ.)

Cheremnykh S.G. (1969) Omsk Uprising. Razгром Kolchaka. *Vospominaniya = The rout of Kolchak. Memories.* Moscow: Military Publishing. P. 239–254. (In Russ.)

Shemelev V.I. (1928) Unions of Siberia in the struggle for power of the Soviets 1917–1919 Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Regional Council of Trade Unions. 240 p. (In Russ.)

Shishkin V.I. (2006) Commissars and managers of the Akmola region (June 1918 – November 1919). *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia = News of the Omsk State Museum of History and Local Lore.* No. 13. P. 160–171. (In Russ.)

Shumilov A.I. (1987) Popov Konstantin Andreevich. *Za vlast' Sovetov! = For the power of the Soviets!* Omsk. Iss. 2. P. 152–158. (In Russ.)

Yurasova M.K. (1983) Karoy Lighetti. *Sud'bu, sviazannye s Omskom = Fates associated with Omsk.* Omsk: Omsk Book Publishing House. Book 3. P. 81–110. (In Russ.)

Information about the authors

Sergey P. Zvyagin,

Dr. Sci (History), Associate Professor, Professor of Department of History,
Kemerovo State Medical University,
22A, Voroshilov street, Kemerovo 650056, Russia,
✉ e-mail: whitesiberia@narod.ru

Sergey V. Makarchuk,

Dr. Sci (History), Professor, Professor of Department of History,
Kemerovo State University,
6, Krasnaia street, Kemerovo 650000, Russia,
✉ e-mail: makarchuk-sv@mail.ru

Dmitry R. Timerbulatov,

Cand. Sci (History), Methodologist of the Department of scientific and methodological support and monitoring of the development of education,
Municipal Budget Educational Institution of Continuing

650036, Кемерово, ул. Гагарина, 118, Россия,
✉ e-mail: dmi924512@yandex.ru

Professional Education "Scientific and Methodological
Centre",
118, Gagarin street, Kemerovo 650036, Russia,
✉ e-mail: dmi924512@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации и в равной мере несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 10 июля 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки
31 июля 2020 г.
Принята к публикации 10 августа 2020 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article and bear equal responsibility for plagiarism.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received July 10, 2020.
Received July 31, 2020.
Accepted August 10, 2020.